

Террористические акты во Франции и Бельгии, активная работа по вовлечению в ряды сообщников ИГИЛ европейских мусульман показали, что понятие «исламский мир» является для европейцев не только внешнеполитической проблемой, но и внутренней, нуждающейся в новом осмыслении и выработке новых политических подходов к ее решению. Это особенно важно с учетом усиления праворадикальных партий и расширением антиисламских настроений европейских обывателей.

Для России проблема «исламского мира» стала особенно актуальной внутренней проблемой с момента распада СССР и усиления роли религии в обществе в условиях постсоветских преобразований. Кроме того, после падения «железного занавеса» Россия оказалась втянута в процессы глобализации, которые оказали существенное негативное влияние на институционализацию «исламского мира» в России. Это предопределило наличие сложного симбиоза внутренних и внешних факторов, актуализирующих проблему ислама в современной России.

Как видится, для обеспечения стабильных межконфессиональных отношений и сохранения многовекового опыта мирного проживания мусульман и православных, представителей других традиционных религий в рамках единого Российского государства важно не демонизировать ислам как источник террористической угрозы, а вести постоянную разъяснительную работу с мусульманской молодежью о том, что возвращение к средневековым исламским нормам не способно привести к построению справедливого общества. Их абсолютизация (без учета конкретных условий возникновения) ведет лишь к возвращению кровопролитного варварского межрелигиоз-

УДК 323.1

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЕННОСТИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

И. Б. Санакоев

Владикавказский научный центр РАН
E-mail: inal59@mail.ru

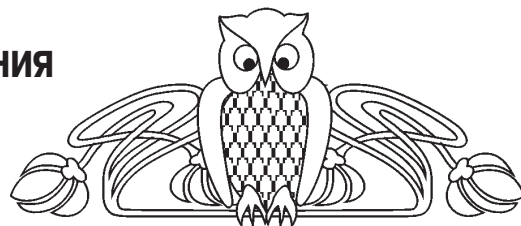
Статья посвящена исследованию идеи национального самоопределения Южной Осетии в контексте разделенности единого осетинского народа. В ней автор пытается проследить влияние ситуации этнической разделенности на формирование югоосетинской национальной идеи, а также роль, которую эта ситуация сыграла в процессе конечной реализации данной идеи.

Ключевые слова: этническая разделенность, идея национального самоопределения, политическая самоорганизация, политическая элита, идея объединения, внутреннее самоопределение, автономия.

ного антагонизма. Гораздо важнее учитывать положительный опыт и те религиозные традиции и ценности, которые позволяли мирно интегрировать «исламский», «православный», «протестантский», «иудейский», «буддистский» и иные миры в единое российское сообщество.

Примечания

- 1 Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир : проблемы адаптации // Полития. 2007. № 4 (47). С. 65.
- 2 Статья К. М. Труевцева была написана еще до успехов ИГИЛ в Ираке и Сирии.
- 3 Труевцев К. М. Указ. соч. С. 66.
- 4 Попов В. В. О роли исламского фактора. Цивилизационный аспект. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document154205.phtml> (дата обращения: 24.11.2015).
- 5 См.: Бабич И. Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 164.
- 6 Мирский Г. И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 117.
- 7 См.: Бибикова О. П. Исламофобия на Западе и в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 87–100
- 8 См.: Хокенос П. Он не одинок. Суд над норвежским массовым убийцей Андерсом Брейвиком – это только верхушка айсберга в беспокойном море радикальной исламофобии в Европе. URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20120421/190916184.html> (дата обращения: 22.04.2012).
- 9 См., например: Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.

The Idea of National Self-determination of South Ossetia in the Context of Separation of the Ossetian People

I. B. Sanakoev

This article explores the idea of national self-determination of South Ossetia in the context of the separation of Ossetian people. The author tries to explore the influence of the situation of ethnic division on the formation of the South Ossetian national idea and the role this situation has played in the process of final implementation of this idea.

Key words: ethnic division, idea of national self-determination, political self-organization, political elite, idea of reunification, internal self-determination, autonomy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-226-230

На формирование идеи самоопределения мощное воздействие может оказывать ситуация разделенности, когда две или более части одного народа проживают на территории различных государств. Данная ситуация, безусловно, может сопровождаться явлениями ирредентизма и энзиса уже самим фактом разделенности, а в ситуациях крупных общественно-политических разломов мы можем наблюдать значительную актуализацию требований по защите своих прав со стороны разделенных национальных меньшинств, достаточно болезненно реагирующих на этническую разделенность.

Ситуация разделенности единого осетинского народа, формировавшаяся на протяжении длительного промежутка времени, также оказывала значительное воздействие на процессы национального самоопределения осетинского народа, формируя как на севере, так и на юге Осетии разнонаправленные, но встречные векторы политического и этнокультурного взаимопритяжения, более сильные на юге и более слабые на севере. Эти векторы в различные исторические периоды приобретали различную силу и актуальность, значительно активизируясь в периоды крупных общественно-политических изменений и затухая в периоды установления политической стабильности в регионе. В условиях распада СССР ситуация разделенности единого осетинского народа, безусловно, актуализировала эти векторы, в особенности на юге Осетии, при этом оказав значительное воздействие как на общественно-политическую ситуацию в Южной Осетии, так и на формирование идеи югоосетинского самоопределения.

В этом плане становится актуальным определить параметры и направления эволюции югоосетинской национальной идеи в условиях этнической разделенности и проследить механизм влияния ситуации разделенности на формирование идеи югоосетинского самоопределения в его окончательном варианте. При этом под разделенностью народа мы будем понимать, прежде всего, так называемую абсолютную политическую разделенность, или же «по-сути нахождение частей, равных или неравных, одного и того же народа на территории двух или более государств. И здесь, конечно же, имеются ввиду не диаспоры и мигранты, а две или более части одного народа, непосредственно граничащие друг с другом, но по территории которых проходит государственная граница»¹.

Для решения обозначенной задачи попробуем изначально определить специфику формирования самой ситуации разделенности осетинского народа, которая в данном случае рассматривается в качестве приоритетного этнополитического контекста эволюции идеи югоосетинского самоопределения в целом. В этом плане следует иметь ввиду, что ситуация разделенности осетинского народа имеет достаточно

длительную предысторию, обусловленную расселением народа по обе стороны Главного Кавказского хребта.

В историческом контексте очевидно, что формирование разделенности осетинского народа связано с определенными процессами, протекавшими в прошлом в Кавказском регионе и вокруг него, и здесь можно выделить четыре этапа.

Первый этап – это аланский и посталанский период, когда аланское этнополитическое образование распалось и отдельные его части были вынуждены переселиться на другую сторону хребта². Именно в тот период на четкую ландшафтную границу (Главный Кавказский хребет) наложился две зоны альтернативных претензий различных этнополитических субъектов: феодальных владетелей Грузии и Кабарды. Одна часть осетинского населения оказалась в зоне политического влияния и претензий на суверенитет грузинских феодальных владетелей, другая часть оказалась в зоне периодической зависимости от кабардинских князей, связанных с пастбищами северокавказских равнин. На севере осетины завязывали связи с кабардинскими владетелями, которые позволяли им более устойчиво хозяйствовать на равнине, а осетины с южного склона Центральной части Кавказа старались поддерживать отношения с грузинскими княжескими домами и царским домом с тем, чтобы получать царскую зарплату. Кабарда, как княжеская полития и как всякое иерархическое феодальное образование, была довольно открыта для того, чтобы феодальные группы осетинского населения становились вровень с князьями. Грузинское политическое поле тоже было открыто для становления, но здесь мы не наблюдаем процесса инкорпорации осетинской знати в грузинскую феодальную иерархию.

Второй этап становления разделенности осетинского народа связан с периодом Российской империи. В составе Российской империи Осетия оказалась в разных административно-территориальных образованиях, поскольку южная часть осетинского народа вошла в состав Тифлисской губернии, а северная часть – в состав Терской области. У осетинского населения Тифлисской губернии формировалось отношение к Грузии как такому этнокультурному пространству, в котором они не могут состояться как целостность, оставаясь внутри этого поля. Поэтому одна часть осетин стремилась интегрироваться в это поле, растворившись в нем. Другая же большая часть стремилась уйти из этого поля и сформировать альтернативный проект в югоосетинском поле, чтобы остаться в качестве осетин. На севере происходило совершенно иначе. У осетин во Владикавказе не было комплекса в отношении русских, и они становились культурно-бюрократической элитой кавказского пространства³. Все это привело к тому, что в период 1917–1921 гг., когда распалась Российская им-

перия и на ее обломках образовались различные государства, северные осетины оказались в составе России, а южные – в составе Грузии.

Третий этап становления разделенности осетин относится к советскому периоду. В начале 1920-х гг. осетинская политическая элита предприняла попытки объединения Осетии в составе России. Но наличие в советском руководстве сильного грузинского лобби и стремление большевиков не отталкивать от себя Грузию привели к тому, что в 1922 г. на территории Южной Осетии была образована автономная область, введенная в состав Грузии⁴. И хотя это было не более чем административное разделение, «в умах большинства тогда живущих осетин возникло опасение разделенности, которое впоследствии срезонировало уже и в массовом сознании – нас делят!»⁵ При этом, если во времена царской России грузины и осетины были на равных правах, то в Советском Союзе грузинские власти уже могли более целенаправленно вести работу по ассимиляции той части осетинского народа, которая в силу политических обстоятельств попала в состав Грузии.

Четвертый, постсоветский, этап становления разделенности осетинского народа связан с распадом Советского Союза⁶, когда в начале 1990-х гг. образовались самостоятельные Российская Федерация и Республика Грузия. Разделенность осетин приобретает теперь уже государственно-правовые черты, а после признания независимости Южной Осетии – и международно-правовой характер. Это был очень резкий поворот в судьбе осетинского народа. Фактически отсутствовавшая граница стала присутствующей, и у людей возникла масса сложностей при ее пересечении.

Следует отметить, что формирование разделенности, значительно растянувшееся по времени, с неизбежностью продуцировало определенный негатив, накладывая свой особый отпечаток на все сферы жизнедеятельности народа. Так, к примеру, в социально-политической сфере ситуация разделенности привела к появлению у осетинского народа двух различных форм политической самоорганизации. В этом контексте шел и процесс формирования разных политических элит: «В условиях определенных разделительных линий формируются и разные центры элит. Скажем, один центр во Владикавказе, другой в Цхинвале и в Тбилиси. Эти центры начинают играть роль центров исторической рефлексии, центров тяготения. И тогда проблема разделенности может восприниматься уже как более институциональная»⁷. Подобные процессы имели место, безусловно, в силу того, что политические формы жизнеустройства северных и южных осетин в условиях этнической разделенности складывались в разных социально-политических пространствах и по-разному: на севере – в условиях нарождавшихся форм политической само-

организации северокавказских обществ, а позднее в условиях Российской империи, на юге – в условиях грузинской феодально-иерархической системы.

В силу ряда обстоятельств у северных осетин опыт политической самоорганизации оказался шире, поскольку Северная Осетия развивалась в рамках Российской империи, а впоследствии и Российской Федерации, а национальная политика империи была достаточно лояльна к кавказским горцам. После установления Советской власти возможности этнополитического развития кавказских народов существенно расширились в связи с получением статуса автономных республик, а автономия уже предполагает наличие собственных управленческих институтов: «Так что Северной Осетии в этом смысле повезло больше»⁸. Поэтому для осетин Северной Осетии, в отличие от Южной Осетии, проблемы ущемления национальных прав не существовало⁹.

Что же касается Южной Осетии, то там опыт политической самоорганизации оказался намного меньше, и историческая судьба южных осетин в этом отношении сложилась менее удачно. Причиной было то, что в Тбилиси всегда, как в досоветское, так и в советское время, очень болезненно относились к оформлению политических статусов национальных меньшинств в любом варианте. Помимо этого, специфика отношений с грузинской феодальной элитой, а также дисперсность проживания с грузинами мешали политическому развитию южных осетин в рамках единого политического образования. Поэтому на юге Осетии постоянно наблюдалось ущемление национальных прав осетин. Даже после установления российской администрации в Закавказье южные осетины были разделены на несколько губерний¹⁰.

Ситуация разделенности осетинского народа и особенно его негативные последствия permanently стимулировали в общественном сознании поиски решения проблемы, которые фокусировались преимущественно на идее объединения как важнейшей национальной цели и важнейшем национальном проекте, нацеленном на сохранение этнонациональной идентичности. Поэтому идея самоопределения на юге Осетии в большей степени и в меньшей степени на севере Осетии неизбежно приобретала определенный вектор, формулировавшийся в категориях объединения и воссоединения с остальной частью этнической общности.

Впервые публичная постановка идеи объединения была осуществлена в период распада Российской империи. Практическую работу в этом направлении в тот же период начал осуществлять Национальный Совет Южной Осетии, сформированный в тот период как высший представительный и исполнительный орган Южной Осетии. Свое дальнейшее развитие идея объеди-

нения получила уже в советский период, когда в 1925–1926 гг. ставился вопрос об объединении двух Осетий. Идея объединения осетинского народа на севере и на юге Осетии получила мощный импульс в условиях распада СССР, когда наблюдались рост национального самосознания и активизация процессов национально-государственной консолидации в осетинском обществе: «Не случайно идея объединения актуализируется в тот момент, когда происходит разлом определенной системы. А для периодов разлома характерно стремление быть со своими, быть единым народом, чтобы лучше сохраниться. Ничего криминального в этом нет и для периодов разлома это достаточно органичная идея»¹¹.

Рейтинг объединительных идей на юге Осетии всегда был значительно выше, чем на севере, и инициатива в процессе объединения обычно исходила из Южной Осетии. Одной из основных причин роста популярности идеи объединения на юге Осетии стала политика дискриминации разделенных народов. По оценкам экспертов, в зависимости от того, как меняется политический режим на территории их проживания, разделенные народы могут становиться объектом гонений и притеснений. Поэтому в ситуации резкого обострения отношений национальных меньшинств с титульными народами разделенные народы сталкиваются с формально-правовой и культурно-языковой дискриминацией, которая и служит достаточно мощным источником идей объединения. В такие кризисные периоды этнические меньшинства особенно четко осознают свою разделенность и стремятся в качестве защиты использовать все средства, в том числе и то, что имеют собратьев по другую сторону границы. И когда есть возможность объединиться с другой частью народа, который имеет более высокий государственный статус, в этом случае ситуация еще более способствует возникновению ирредентистского сепаратизма¹².

В югоосетинском общественном сознании идея объединения актуализировалась вследствие политико-правовой и культурно-языковой дискриминации южной части осетинского народа в рамках Грузии. По оценкам экспертов, «грузинские политики не создали бы себе проблем ни в Южной Осетии, ни в Абхазии и могли легко получить Южную Осетию, если бы были более дальновидными и проводили политику, которая бы гарантировала права и свободу южных осетин в составе Грузинской республики»¹³. Мощное влияние на формирование идей объединения в осетинском обществе оказал также грузино-осетинский конфликт, который, по своей сути, являлся следствием дискриминационной политики грузинских властей в отношении южных осетин¹⁴.

Среди благоприятных факторов, создававших определенные шансы и так или иначе всегда способствовавших объединительным процес-

сам, – это стремление населения обеих Осетий к объединению, а также наличие политической воли у обеих осетинских элит к решению проблемы. По данным социологических опросов, «две части одного народа совсем не против, а скорее, однозначно за то, чтобы жить в единой Осетии в составе РФ»¹⁵.

Среди политических факторов, всегда благоприятствовавших объединению Осетии, выступала ориентация осетинского народа на союз с Россией и достаточно дружелюбное отношение России, как досоветской, так и советской, к Осетии в целом. Со своей стороны, с приходом на Кавказ Россия всегда была заинтересована в продвижении через Осетию своих внешнеполитических и геополитических интересов и расширении таким образом зоны своего влияния. И в этом плане Южная Осетия, как, впрочем, и Северная, оказались в зоне влияния российских интересов достаточно давно и надолго, и по этой причине Россия всегда оказывала военно-политическую помощь Южной Осетии в деле ее защиты и становления государственности.

Однако помимо благоприятных конкретное решение проблемы объединения Осетии всегда зависело от действия целого ряда неблагоприятных факторов, создававших достаточно высокие риски как для объединительного процесса, так и для судьбы народа в целом.

Среди таковых, конечно же, следует отметить наличие между двумя Осетиями Главного Кавказского хребта в виде практически непреодолимого географического препятствия. В географическом плане Главный Кавказский хребет, безусловно, объективно создавал определенные естественные препятствия для административного и экономического объединения двух регионов. К примеру, в советский период официальные власти утверждали, что Южная Осетия не может быть объединена с Северной Осетией и войти, таким образом, в состав Российской Федерации, так как она географически оторвана от севера, а советское руководство считало очень сложным осуществлять связь через хребет. Считалось, что труднопреодолимые природные препятствия значительно усложняют налаживание связей, и прежде всего экономических.

Другой не менее мощный фактор, который всегда создавал непреодолимые препятствия для объединения Осетии, – это международное право, которое не содержит никаких правовых процедур, регламентирующих каким-либо образом объединительные процессы разделенных народов. Основная проблем здесь заключалась в том, что, с точки зрения международных норм, вероятное объединение Осетии будет рассматриваться как отторжение части одного государства в пользу другого, поскольку в ситуации объединения речь, естественно, может идти только об объединении единого народа в составе России. И это создает нежелательный для мирового со-

общества прецедент, связанный с перекройкой существующих между государствами границ, чего не допускают практически все международно-правовые документы.

Объединению Осетии всегда препятствовала также региональная политическая конъюнктура, поскольку этот процесс имел все шансы столкнуться с мощным противодействием соседей осетин по Кавказу, и в первую очередь Грузии, которая всегда выступала против объединения Осетии. Грузия всегда воспринимала Южную Осетию как свою территорию, и поэтому проблема разделенности осетинского народа для нее – это угроза части своей территории, и это воспринимается болезненно: «Грузины нервничали и в 1925-ом году, когда обозначилась перспектива объединения Северной и Южной Осетии. В 1990-е гг. они всячески поддерживали Азербайджан в его стремлении сохранить Нагорный Карабах, с тем чтобы аналогичные процессы не развернулись на их собственной территории»¹⁶.

Следует отметить, что в условиях распада СССР соотношение благоприятных и неблагоприятных факторов в общественном югоосетинском сознании оценивалось как негативное с явным преобладанием высоких для объединения народа рисков.

В силу отчетливого осознания этих рисков объединительный вектор идеи самоопределения начинает уступать место другому, более практичному и безопасному вектору достижения самоуправления через внутреннее самоопределение. На практике это означает, что в силу вынужденных обстоятельств идея объединения почти автоматически эволюционирует в требование сохранения автономии в составе какого-либо государства: в составе Грузии, если это будет возможно (первое повышение югоосетинского статуса), если нет – то в составе СССР (второе повышение статуса и участие в референдуме о сохранении СССР). При этом сама идея объединения в этническом сознании никак не отменяется, а откладывается на неопределенное время – дальнюю перспективу, оставаясь вековой «мечтой осетинского народа».

Таким образом, можно констатировать, что хотя ситуация разделенности и идея объединения как ее производная явились стимулирующим фактором формирования идеи югоосетинского самоопределения, это влияние не доводило ее до излишней политизации и в условиях распада Советского Союза ограничивалось формулированием требований автономного самоуправления в пределах какого-либо существующего государства (СССР, РФ и даже Грузии). Поэтому идея самоопределения Южной Осетии в условиях этнической разделенности накануне распада СССР

фактически формируется как идея внутреннего самоопределения (как программа-минимум) и ближайшая цель. При этом объединительный вектор национального самоопределения сохраняется в широком общественном сознании как конечная цель (программа-максимум) югоосетинского национального проекта. Из этого следует, что этническая разделенность в ситуации с Южной Осетией не стала детерминирующим фактором сепарации и внешнего самоопределения. Ориентация же южных осетин в условиях распада СССР на воссоединение с Северной Осетией и Россией стала превалировать лишь в связи с утверждением в Грузии этнической концепции нациестроительства.

Примечания

- 1 Балашов Ю. А. Разделенные народы : проблемы изучения, особенности развития и механизмы воздействия на политические процессы. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?470> (дата обращения: 24.06.2008).
- 2 См.: Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории Южных Осетин. Цхинвал, 1996.
- 3 См.: Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ : исторические особенности формирования национального единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006. С. 157.
- 4 См.: Очерки истории Юго-Осетинской автономной области : в 2 т. Т. 1. История южных осетин до образования ЮОАО. Тбилиси, 1985.
- 5 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа» (Владикавказ, 2010 г. Архив автора).
- 6 См.: Маркедонов С. М. Азербайджан и Дагестан : разделенные народы и общие проблемы. URL: <http://www.caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1247> (дата обращения: 02.07.2008).
- 7 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 См.: Чибиров Л. А. [и др.]. История южных осетин : учеб. пособие. Цхинвали, 1990.
- 11 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 12 См.: Балашов Ю. А. Указ. соч.
- 13 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 14 См.: Конфликты в Абхазии и Южной Осетии : документы 1989–2006 гг. / сост. и коммент. М. А. Волхонский, В. А. Захаров, Н. Ю. Силаев. М., 2008.
- 15 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 16 Там же.